

"Две бутылки шампанского - это не свадьба!"

- П риходите завтра в академию. Я буду там с одиннадцати.

- У вас найдется минут двадцать для приватной беседы?

- Да.

В Академию художеств Церетели прибыл к двенадцати. Заседание (закрытое) ученого совета началось с опозданием. Минутный перерыв - и Церетели в пышном шлейфе свиты направился в залы, чтобы журналистам и даже с ними "на месте" рассказать о ходе реставрационных работ в исторических интерьерах. Я не старался попасться ему на глаза. Он сам каким-то боковым зрением обнаружил меня в толпе, подхватил под руку, бегом (в прямом смысле слова) повлек по лестнице.

- Время, время! Где вы были? Я вас искал. Ладно, поговорим попозже.

Попозже была пресс-конференция, по окончании которой журналистская братия облепила Церетели - не подступиться! И тут же - без перерыва - заседание ученого совета, на сей раз торжественное, посвященное юбилею Михаила Аникушина и вручению дипломов вновь испеченым академикам.

...Мы беседовали с Зурабом Церетели в приемной ректора, прижавшись к подоконнику, чтобы не мешать проходу, а рядом нервно расхаживал молодой грузин - не то шофер, не то кто-то из сопровождающих лиц. Зураб Константинович время от времени успокаивал его: "Все, все, Вас, едем, едем!.."

- Зураб Константинович, в Москве в картинной галерее Александра Шилова я видел приказ о присвоении Шилову звания академика. Указ подписан вами. Скажите, пожалуйста, что это - демонстрация "веротерпимости"? Или, что называется, "положение обязывает"? А может, вам близко сугубо реалистическое искусство Александра Максовича? Во что, честно говоря, не очень-то верится...

- Вы говорите, были в музее Шилова?

- И не раз.

- Значит, видели: там - очереди. Это о чем-то говорит?

- Говорят, но... Скажите прямо: вы признаете его талант достойным академического звания?

- Да, да, да.

- А то, что он художник как бы из другого лагеря...

- Это не имеет значения! У каждого художника - свои зрители. Так и должно быть. Шилов заслужил звание академика. И потом, он же прошел общий конкурс.

- На пресс-конференции в Музее Пушкина из уст вашего коллеги прозвучало, что вы рисуете каждый день. С семи утра и до одиннадцати. И за это время успеваете сделать от 30 до 40 рисунков.

- Рисую, это правда. Если вы обратили внимание, то и сегодня, сейчас там (поворот головы в сторону зала заседаний. - Прим. авт.) я, когда не говорил, слушал и рисовал.

- Да, видел, как вы рисовали Андрея Андреевича Мильникова.

- И не его одного. Вот смотрите. (Раскрывает альбом.) Это директор Музея Пушкина (Сергей Некрасов. - Прим. авт.) Мне кажется, я смог передать его характер, его настроение.

- Вам нужна постоянная практика или это уже просто вошло в привычку?

- Потребность!

- На торжественном заседании присутствуют почетные граждане Санкт-Петербурга академики Игорь Спасский и Жорес Алферов. Где-то год назад, будучи в музее на Пречистенке, 19 (правильное название: Выставочные залы Российской академии художеств. - Авт.) я в книге отзывов обнаружил лестный отзыв Жореса Алферова о творчестве Зураба Церетели. Выдающийся физик знает толк и в изобразительном искусстве?

- Хороший отзыв?

- Я же говорю: лестный. Дословно не помню.

По моему глубокому убеждению, интервью - это маленькая пьеса. Иногда, правда, обстоятельства складываются так, что драматургию приходится жертвовать. Но это оправданно только в том случае, когда герой широко известен и интервью следует рассматривать как "штрихи к портрету". В данном случае штрихи - к портрету Зураба Церетели. Президента Российской академии художеств, народного художника СССР и России, Героя Труда, лауреата Государственной премии Российской Федерации и т.д. и т.п. Встретились мы как раз накануне открытия в музее на Мойке, 12, небольшой персональной выставки "Пушкинский Тифлис". Там-то я и договорился с ним о беседе.

- Я и не знал, что он что-то там написал.

- А вы что, не сопровождали его тогда по выставочным залам? Были в отъезде? Или нобелевский лауреат музей посещал инкогнито?

- Получается, инкогнито. О том, что он там был, я сейчас узнал - от вас. Интересно. Вернувшись в Москву - загляну в книгу. А вы приедете - увидите Алферова, я его барельеф уже сделал.

- На вернисаже я увидел в цикле "Сны о Грузии" рисунок: молодой человек с гитарой на плече. Высоцкий?

- Да.

- Даже если бы я обознался, я все равно собирался вас расспросить о Высоцком. Зураб Константинович, позвольте себе цитату из книги Марины Влади "Владимир, или Прерванный полет": "В старом Тбилиси мы празднуем наше бракосочетание, состоявшееся в Москве

всего за полчаса. Здесь нам устраивают настоящую грузинскую свадьбу. Все тончайшие блюда грузинской кухни стоят на столах в серебряных подносах... Угощение роскошно, тосты бесконечны..." Ну и так далее. Насколько мне известно, эту свадьбу устроили Марине Влади и Владимиру Высоцкому вы. Почему именно вы?

- Мы друзья были с Высоцким.

- А как вы познакомились?

- Давно это было! Шестьдесят четвертый год. Мы тогда часто собирались в Доме кино. В Москве. Вот там и познакомились. На регистрации Влади и Высоцкого присутствовал узкий круг его самых близких друзей. Саша Митта с супругой, Андрей Вознесенский с супругой, я, Любимов, и, кажется, все. Материальные возможности у Володи тогда были ограничены. А в моем понимании две бутылки

шампанского - это не свадьба! Да и характер у меня такой, что я чувствовал себя, как будто я виноват, что нормальная свадьба у друга не получается. Тогда-то я предложил улететь в Грузию - в Тбилиси у меня было больше возможностей. И устроил Марине и Володе настоящую, даже не настоящую - сказочную! - свадьбу. Володя был счастлив, он открылся, он пел. И сказочный медовый месяц они с Мариной провели в Тбилиси. Тогда же мы все вместе побывали у художника Ладо Гудиашвили. Гудиашвили показал фотографии, где все они вместе - и он, и Пикассо, и Шагал, и Модильяни. И отец Марине Влади! Много чего Гудиашвили рассказал Марине про отца такого, чего она не знала.

- Как вы думаете, почему Марина в книге не называет вашего имени?

- Да, она пишет: какой-то архитектор. Ну во-первых, я не архитектор, а художник. А во-вторых... Так бывает в жизни. Не могу я ответить на этот вопрос - не знаю. Может, Марина не сама писала, а диктовала, и тот человек, который записывал, пропустил имя? Не знаю. Но это ничего не значит. Я сейчас и в бронзе создал образ того Высоцкого.

- Я видел. Мне нравится. Как, впрочем, и большинство ваших бронзовых досок. Еще - Пастернак, Шукшин, Окуджава, Бродский, Вознесенский, Есенин, Миронов... Все это так называемые деятели культуры. А вот в одном интервью вы, Зураб Константинович, сказали, что не рисуете президентов. Это из принципа?

- Я сказал? Когда? А, нет! Я членов Политбюро не рисовал! Да.

- А президентов рисуете?

- И президентов тоже не пришлось рисовать пока. Но это не принципиально. Мне, например, Путин нравится. Его походка нравится, его движения нравятся, его лицо. Искренность в его глазах нравится. Я с удовольствием бы нарисовал Путина.

- Зураб Константинович, простите за откровенность, но лучшей вашей работой я считаю не скандально известного Петра, что возвышается над центром Москвы, и не Георгия Победоносца на Поклонной горе, а скульптурную группу "Жертвы нацизма", как бы скрытую за Поклонной горой. От этой скульптурной группы - обнаженные узники концлагеря, можно сказать, на ваших глазах превращающиеся в надгробные плиты, - ах мурашки по коже! Но речь не об этом. Я прихватил с собой вырезку из газеты "Мегаполис-Экспресс", где журналист со ссылкой на экстрасенса берется утверждать, что в этом памятнике чуть ли не злые духи поселились. И что отрицательная энергетика в нем такая, что может довести человека до психбольницы. А уж про головную боль и говорить нечего!

- Сумасшедшие! Вокруг этой моей работы в свое время много шума было. Я сам видел: действует на людей. И никакие духи тут ни при чем. Сила искусства. Я радовался, потому что понимал: создал сильнейший образ! Американцы сразу захотели купить этот памятник для музея в Вашингтоне или в Нью-Йорке. Но я не продал. Потому что здесь - 41-й год, начало нашей трагедии. Памятник должен был открываться Мемориал на Поклонной горе. Но посчитали, что он слишком трачен, и его перенесли.

- В музее на Пречистенке существует модель похожего памятника, по крайней мере композиционно решенного так же, только он называется "Жертвы политических репрессий".

- Да, есть. Это уже другая наша трагедия - 37-й год. Я их делал параллельно. Но, поскольку один из них уже установлен, второго однотипного памятника не будет. Считайте, что это - эскиз. А для чего он в музее? Пусть люди видят, как работает Церетели! Пусть не думают, что ему все легко дается!

Владимир ЖЕЛТОВ